

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ВЕРЕТЕННИКОВ: ИСТОРИК ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ КАК АКТОР НАУКИ И ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 16-03-00264

Н. Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Впервые в историографической практике осуществляется анализ научной деятельности, интерпретируются идеи, наблюдения и выводы исторических исследований полузабытого ученого, историка и архивиста, принадлежавшего к школе А. С. Лаппо-Данилевского – В. И. Веретенникова (21.08. (02.09). 1880 – 18.07.1942). В центре внимания автора находятся несколько работ историка: его магистерская диссертация «История Тайной канцелярии петровского времени» (Харьков, 1910), а также статьи по проблемам методологии исторического исследования. Автор отмечает тенденцию увеличивающегося интереса к этой фигуре, особенно заметную в украинской историографии, что связано с длительным периодом жизни в Харькове и деятельностью Веретенникова в харьковских вузах и архивных учреждениях. Вместе с тем следует констатировать, что аналитические интерпретации текстов исторических исследований Веретенникова в работах о нем минимизированы. В статье предпринимается попытка преодолеть этот пробел и, с одной стороны, раскрыть черты индивидуального творчества историка, с другой – установить методологическую связь его научных принципов и методологии с идеями и методологическими подходами его учителя – А. С. Лаппо-Данилевского. Автор дает краткие сведения из его биографии и концентрирует внимание на исследовании текста его магистерской диссертации. Сопоставляя его основные научные идеи и методологические установки с научными принципами Лаппо-Данилевского, а также используя текст его оппонентского отзыва о диссертации Веретенникова, в статье устанавливается факт длительной методологической коммуникации, сложившейся между учеником и учителем. Эти наблюдения подтверждаются в последней части статьи, посвященной анализу двух методологически ориентированных работ изучаемого историка.

Ключевые слова: *русская историография, Санкт-Петербургский университет, В. И. Веретенников, А. С. Лаппо-Данилевский, магистерская диссертация, историографический анализ, источник, актовый документ, статистический метод.*

В. И. Веретенников в биоисториографическом ракурсе

В. И. Веретенников хорошо известен современным российским историографам, прежде всего, как представитель научной школы А. С. Лаппо-Данилевского [1; 2; 4; 13]. Значимым считается его вклад в изучение истории политического сыска в России. В. И. Веретенников рассматривается как основоположник этой темы, продолженной советскими историками [3]. Память о нем сохранилась и в историко-научном сообществе Украины [9; 16]. Известно, что с 1908 по 1914 гг. он преподавал в Харьковском университете, с 1920 по 1934 гг. занимал различные должности в Центральном архивном управлении УССР. В украинскую историографию Веретенников вошел, прежде всего, как новатор-архивист. Не повторяя в данном случае биографических под-

робностей об историке, наиболее детально изложенных И. Б. Матяш, отметим лишь, что в 1933 г. он, будучи объявленным «идеологом теории техницизма и объективного документализма», был выведен из состава научных работников Научно-методологического Кабинета ЦАУ УССР [16]. Вероятно, опасаясь дальнейших преследований, он покинул Харьков.

Судя по имеющимся сведениям и зная факт его предвоенного пребывания в Ленинграде, где он с 1934 по 1940 гг. работал в Государственном Русском музее, а скончался в одном из Вологодских эвакогоспиталей [9], можно с очевидностью полагать, что в драматической ситуации блокадного Ленинграда и эвакуации в Вологду сохранить какие-либо личные документы ученого было невозможно. Видимо поэтому нет каких-либо сведений о существовании личного фонда В. И. Ве-

ретенникова в российских или украинских архивохранилищах. Документальные свидетельства о Веретенникове периода его студенчества и защит диссертаций в Петербургском университете в соответствующих архивах фрагментарны, но все-таки позволяют составить представление о нем как ученом. Усилиями украинских и российских историков создан лишь абрис его биографии. Можно констатировать, что на сегодняшний день сведения о его жизни и творчестве необычайно скудны. Отсутствует в том числе список его опубликованных работ¹. Вполне присоединяюсь к мнению И. Б. Матяш, что в современной историографии «на очереди – написание научной биографии выдающегося ученого» [16. С. 158].

Формулируя задачи статьи, отмечу, что имеющиеся историографические упоминания В. И. Веретенникова как ученика А. С. Лаппо-Данилевского не сопровождаются специальным анализом его научных работ, созданных им еще при жизни учителя, что позволило бы понять идейно-методологическую связь ученика и учителя. В данном случае автор статьи, обращаясь к отдельным научным трудам В. И. Веретенникова, преследует цель изучить особенности его методологических подходов, исследовательских принципов, аналитических методик и делает попытку определить характер восприятия им методологических идей А. С. Лаппо-Данилевского.

Вхождение в науку и магистерская диссертация: В. И. Веретенников и А. С. Лаппо-Данилевский

Целесообразно прежде всего остановиться на магистерской диссертации В. И. Веретенникова, очевидно ставшей одной из первых крупных его научных публикаций. Но предварим этот сюжет краткой историей его вхождения в науку.

Заканчивая в 1904 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, молодой историк, вероятно, надеялся войти в когорту его магистрантов. Однако реализация этой перспективы зависела от позиции профессора кафедры русской истории – С. Ф. Платонова, в компетенцию которого входила процедура «оставления» претендента на магистерскую ученую степень при кафедре. Неоднозначность ситуации

была связана с тем, что Лаппо-Данилевский подобных полномочий не имел, занимая на кафедре должность приват-доцента. В письме к Платонову (от 20.08.1904 г.) Веретенников писал: «Спешу, согласно Вашему желанию, сообщить Вам, что, если Факультет сочтет возможным изъявить свое согласие на Ваше, столь мне лестное, предложение – оставить меня при Университете, – то я с глубокой благодарностью приму это»².

Хотя контекст письма дает основание полагать, что В. И. Веретенникову было предложено остаться при университете, но известно, что в конечном итоге «оставление» не состоялось. Позднее, в начале 1910 г., в связи уже с подготовкой к защите магистерской диссертации он признавался С. Ф. Платонову: «Еще с давних пор сложилось у меня убеждение (чисто субъективное и, возможно, совершенно неправильное), что Вы очень отрицательно относитесь к моему стремлению к научной деятельности; этим моим убеждением отчасти объясняется и то, что я решился держать магистерский экзамен в Харькове...»³.

После завершения учебы в университете В. И. Веретенников вынужден был искать иной вид деятельности. С 1905 г. он работал в архиве Министерства иностранных дел, а в 1908 г. переехал в Харьков, где преподавал на Высших женских курсах. Его попытки вернуться в среду российских историков и закрепиться в Московском университете (1914–1915), а потом в Петроградском университете (1915–1916) [16]⁴ оказались безуспешными. Однако его связь с А. С. Лаппо-Данилевским и пространством научных интересов учителя не прерывалась⁵. Можно быть уверенными, что и в годы обучения, и вскоре после окончания университета Веретенников посещал известный семинар Лаппо-Данилевского по дипломатике частного акта, начало которому

² ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2488 (Письма В. И. Веретенникова С. Ф. Платонову). Л.1. Коллекция писем была любезно предоставлена автору Н. В. Гришиной.

³ Там же. Л. 4.

⁴ По сведениям петербургских историков, Веретенников оставался в столице до 1917 г. [4].

⁵ Известна переписка ученика с учителем, длившаяся с 1903 по 1918 гг. См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 84. Л. 1–76. Уже по завершении работы над статьей автору стали известны исследовательские публикации о В. И. Веретенникове М. В. Мандрик. Одна из них посвящена изучению коллекции писем Веретенникова [См.: Мандрик: 2006. С. 502–519]. Погружение в переписку Веретенникова с Лаппо-Данилевским позволило М. В. Мандрику раскрыть малоизвестные, интереснейшие страницы биографии историка после окончания Санкт-Петербургского университета, в том числе связанные с подготовкой и защитой им магистерской диссертации, а также историей его взаимоотношений с высокочтимым и любимым учителем.

¹ И. Б. Матяш в своем очерке о Веретенникове сообщает, что в 1913 г. на счету В. И. Веретенникова было 14 работ: монография (имеется в виду книга, защищенная в качестве магистерской диссертации) и 13 статей, опубликованных в ряде изданий: Журнале министерства народного просвещения, Записках императорского Харьковского университета, Сборнике Харьковского Историко-филологического общества [16].

А. С. Лаппо-Данилевский с учениками, 1905 г. (Сидят слева направо: Н. И. Сидоров, В. И. Веретенников, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шилов; стоят: Г. Н. Котляров, неизвестный).
Снимок опубликован М. Ю. Сорокиной [20].

было фактически положено в 1903 г.¹ Сохранился фотоснимок, датируемый 1905 г., изображающий А. С. Лаппо-Данилевского с группой его учеников, в числе которых – В. И. Веретенников. Известно также, что официально Лаппо-Данилевский объявил начало работы семинара по дипломатике в 1904–1905 учебном году [19]. Вероятно, данный снимок запечатлел участников семинара. Веретенников на нем уже выпускник, а не студент, что подтверждается наличием «цивильного» костюма, отличавшим его от студентов в форменной одежде.

Очевидно, что деятельность Веретенникова в архиве МИД, соединенная с полученными в семинаре практикой и теоретическими идеями в области изучения актовых документов, стала ос-

¹ Участники сборника статей (среди них был и Веретенников), изданного в честь Лаппо-Данилевского, в своем посвящении писали: «Более десяти лет тому назад, осенью 1903 г., Вы объявили в университете практические занятия по дипломатике частных актов Московского государства...» [19. С. 4].

новой его будущей исследовательской работы и практического опыта на архивном поприще.

Позднее, в 1916 г., когда Веретенников готовился к защите уже докторской диссертации, он примет участие в юбилейном сборнике статей, посвященном А. С. Лаппо-Данилевскому. Его статья в составе сборника (к ней мы еще обратимся) красноречиво свидетельствует не только о его компетентности в вопросах актового источниковедения [6], приобретенной в ходе занятий в семинаре Лаппо-Данилевского, но и последовательной его приверженности методологии учителя. Нельзя не заметить, что Лаппо-Данилевский был весьма расположен к своему ученику, поддерживая его положительными отзывами на обе его диссертации (изданы в 1910, 1915 гг.), отложившиеся в личном фонде историка².

Вернемся к сюжету о магистерской диссертации В. И. Веретенникова. К сожалению, в нашем распоряжении слишком мало аутентичных

² См.: СПФА РАН. Ф. 113. Оп.1. Дд.386, 387.

источников, которые бы позволили раскрыть мотивацию молодого историка относительно его научного замысла. Поэтому ряд наших суждений вынужденно будут основаны на предположениях и аналогиях.

Из переписки с С. Ф. Платоновым 1910 г. явствует, что Веретенников долго не решался после отъезда в Харьков ходатайствовать о защите диссертации в родном Петербургском университете. По всей вероятности, он тяжело воспринял факт исключения его из претендентов на ученую степень и, как ему казалось, заниженные оценки своих научных способностей. В этой ситуации он не решался ходатайствовать о защите диссертации в родном университете, а попытался получить согласие на защиту своей книги о Тайной канцелярии в качестве диссертации в Московском университете. М. К. Любавский, к которому он обратился для решения вопроса, после ознакомления с ее содержанием ответил ему отказом.

В письме к Платонову (от 27 апреля 1910 г.) Веретенников процитировал мотивацию отказа. Она, с нашей точки зрения, интересна не только для детализации его диссертационной истории, но и для понимания известных различий, которые неоднократно подчеркивались еще современниками относительно особенностей методологии, а значит, и соответствующих требований к созданию научных трудов со стороны историков-москвичей и историков-петербуржцев. М. К. Любавский, ознакомившись с работой Веретенникова, писал ему: «Я не знаю, какая мерка прилагается к магистерским диссертациям в других университетах. Но традиции, установившиеся в Московском Университете, где магистерская степень присуждалась за такие труды, как “Государ[ственное] хоз[яйство] России в нач[але] 18 в.” П. Н. Милюкова, “Област[ная] реф[орма] Петра Вел[икого]” М. М. Богословского, “Посад[ская] община” Кизеветтера, “Замосковский край” Готье, не дают возможности мне лично выступить в Факультете с предложением присуждения магистерской степени за вашу, конечно, полезную, но слишком далеко все-таки стоящую от вышеназванных ученых трудов книгу»¹. Таким образом, один из видных представителей школы Ключевского не оценил научные подходы и предложенные методы решения поставленных им задач, осуществленные не по московской «мерке». Очередная неудача не стала, однако, катастрофичной для Веретенникова: петербургские историки на этот раз поддержали его. Из переписки известно, что А. Е. Пресняков

в одном из писем к нему сообщил о «благоклонном» отношении Платонова к его книге².

Письма Веретенникова свидетельствуют о том, что мэтр петербургских историков и сам лично в начале февраля 1910 г. известил его о своей поддержке. В мае 1910 г. Веретенников сообщал Платонову и о благожелательном отношении к его «Истории» со стороны Лаппо-Данилевского, с которым он, очевидно, встречался в рождественские праздники этого года: «В разговорах моих этим Рождеством с Алек[сандром] Серг[еевичем] Лаппо-Данилевским он определенно высказывался на мой прямой вопрос, что считает книгу мою совершенно достаточною и удовлетворяющей условиям, предъявляемым к магистерской диссертации. В виду такого отзыва его о моей книге я не имею оснований сомневаться в том, что он даст отзыв свой в ее пользу»³. Наконец, в конце октября 1910 г. Веретенников получил от факультета долгожданное извещение о допуске его работы к публичной защите на степень магистра русской истории⁴.

Магистерская диссертация Веретенникова была обращена к истории так называемой Петровской Тайной канцелярии первой четверти XVIII столетия [5]. Стоит подчеркнуть, что в конце XIX – начале XX вв. в среде авторов диссертаций существенно усилился научный интерес к историческим явлениям этого столетия. В частности, в Московском университете из 40 защищенных в нем диссертаций по русской истории 13 (32,5 %) относились к группе работ, объектом которых стали явления XVIII в. В Петербургском университете число подобных диссертаций несколько меньше: 8 работ. Они составляли от 43 защищенных в этом университете работ по русской истории только 18,6 %⁵. Поясню: Петербургский университет от Московского отличался повышенным интересом к древнерусскому периоду истории, поэтому магистерская диссертация Веретенникова входила в сравнительно небольшую группу исследований по истории недавнего столетия. На фоне тематики других работ петербуржцев, претендовавших на ученое звание, его диссертация по выбору хронологического диапазона выглядела инновационной.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Имеются в виду диссертации, защищенные с 1813 по 1919 гг. Подсчитано на основе базы данных о диссертациях российских историков указанного периода, разработанной в рамках научного проекта № 16-03-00264 гранта РГНФ по теме «Опыт диссертационных исследований ученых-историков второй половины XIX – первой половины XX в. в дисциплинарной памяти и культурном пространстве России».

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2488. Л. 6–6 об.

Исходя из приведенной выше статистики, может показаться, что В. И. Веретенников следовал новой для того времени традиции Московского университета, в стенах которого сложилась известная группа магистрантов из школы В. О. Ключевского, начавших изучение данной исторической эпохи. Черда защит диссертаций по инновационной проблематике (имена их авторов прозвучали в контексте отказа Любавского принимать его диссертацию к защите) прошла на рубеже XIX–XX вв. Несомненно, автор хорошо знал¹ и ценил эти исследования. Однако можно полагать, что выбор Веретенниковым данной эпохи для изучения в большей мере был определен тогдашними интересами его учителя – А. С. Лаппо-Данилевского, нацеленного в своих научных планах на изучение именно этого периода. Отдав дань в своей магистерской диссертации (1890) XVII веку как выразителю «великорусской национальности» Лаппо-Данилевский на рубеже XIX–XX вв. сделал поворот к изучению XVIII столетия, предполагая поставить его в центр внимания задуманной, но не завершенной докторской диссертации по истории политических идей.

Вероятно, Веретенников следовал за магистерским опытом Лаппо-Данилевского, когда в небольшом предисловии к диссертации специально дал обоснование выбора им другого – XVIII в. Подчеркнем сам факт попытки Веретенникова выявить исторический смысл изучаемой эпохи в целом. Подобный ракурс задавал в свое время и Лаппо-Данилевский, когда в предисловии магистерской диссертации акцентировал внимание на изучаемом им XVII столетии, как на времени, сосредоточившем в себе характерные для истории России черты государственно-национального своеобразия [14]. Возможно, по аналогии с ним и Веретенников попытался обосновать значимость XVIII в. как актуальной исторической эпохи для понимания особенностей русской истории и задач изучения этого исторического периода. Он писал: «В этом веке совершился тот перелом в строе государственном (и, конечно, не только государственном), который поставил в итоге на иной путь все дальнейшее движение русского исторического процесса, на тот путь, по которому направлялся этот процесс, – не будет большим преувеличением сказать, – почти до конца XIX века» [5. С. 3].

¹ Факт основательного знакомства с исследованиями историков-москвичей подтверждается содержанием одной из статей Веретенникова, где он подверг анализу методику использования статистического метода в диссертационных трудах Н. А. Рожкова и Ю. В. Готье [7].

Для Веретенникова, кроме отмеченного выше, важно было подчеркнуть, что история XVIII столетия как еще «недавнего прошлого» к началу XX в. все еще «оставалась неразработанной даже в отдельных ее частях». В то же время он выделяет серию «крупных по достоинству и значению исследований, стоящих всецело на высоте современных научных требований»², освещавших отдельные аспекты актуального для него периода. Он считал, что фрагментарный характер изученности истории XVIII в. не содействовал формированию в научной среде представлений о масштабах источникового обеспечения истории этого времени. Сам же он, получив отличную источниковедческую выучку и некоторый опыт работы в архивных учреждениях, сумел в процессе поиска источников для своей диссертации убедиться в наличии обильного архивного материала, порожденного историческими процессами изучаемого столетия.

Выявленная им в специальной главе диссертации³ историографическая ситуация непосредственно по истории Тайной канцелярии отличалась по его аналитическим наблюдениям «поразительной бедностью литературы» [5. С. 108]⁴, что позволило историку сформулировать свои оригинальные задачи. Они в своей постановке представляют особый интерес как для понимания принадлежности его к научной школе Лаппо-Данилевского, так и для уяснения особенностей индивидуального научного подхода автора «Истории Тайной канцелярии» к их решению. Веретенников был убежден: в условиях сложившейся научной обстановки изучения истории XVIII в. для представителей его поколения ученых плодотворным и целесообразным являлся ориентир на разработку локальных исторических сюжетов – «отдельных моментов этой истории». Эти «моменты», по его мысли, в перспективе должны были стать «фундаментом», «на котором в будущем уже явится возможность более широкими штрихами строить историю XVIII столетия». Устанавливая для себя скромное место одного из зачинателей историографии этого столетия и од-

² В. И. Веретенников не называет в предисловии авторов исследований, но, несомненно, он имел в виду когорту учеников В. О. Ключевского.

³ Глава 4. «Обзор материалов, относящихся к истории Тайной канцелярии» [5].

⁴ Заметим, что в структуре конкретно-исторических разделов исследования автор также предусмотрел специальные историографические пассажи, освещавшие характер имевшихся весьма немногочисленных публикаций по его теме, запутано и неполно освещавших изучаемую им проблему [5].

новременно предвидя широкие перспективы его историко-научных разработок, он в духе уроков учителя сосредоточивался на задаче «точного изучения» «частного эпизода петровского царствования» [5. С. 4]. Эта ориентация подкреплялась доказанной им скудостью научной литературы вопроса, актуализирующей опору «непосредственно и всецело» на архивный материал [5].

Характеризуя состояние архивного фонда Тайной канцелярии петровского времени в Государственном архиве МИД, он посчитал принципиальным моментом обосновать факт целостной сохранности общего комплекса его документов, что обеспечивало ему всесторонность исторического анализа изучаемого явления. Несмотря на обнаруженные им «утраты» отдельных оригинальных документов, он как опытный историк-архивист, знавший тонкости делопроизводства изучаемого времени, уверенно выработал способы их реконструкции на основе сохранившихся дел архивного фонда [5].

Исследовательская и методологическая установка с очевидностью опирались на опыт его работы в семинаре по дипломатике Лаппо-Данилевского, который выработал характерный для него подход скрупулезного и методически выверенного анализа каждого отдельного исторического документа, с которым был связан тот или иной изучаемый исторический феномен. Следуя мысли, что из локальных исторических «моментов» складывается общее полотно исторического процесса, Веретенников стремился к «точному» воспроизведению каждого элемента изучаемой им институциональной системы – Тайной канцелярии времен Петра I.

История Тайной канцелярии создается историком посредством реконструкции ее структуры, стиля деятельности, функций и полномочий, порядка производства типичных документальных комплексов, изучения эволюции и трансформации статуса, персонального руководящего состава учреждения и роли Петра I в ее деятельности. Тайная канцелярия – этот «маленький далекий уголок Петровской эпохи», ее «мимолетное явление» [5. С. 265] предстает не только как существенный элемент и феномен государственного строя и верховной власти России первой четверти XVIII в., но и как институт по производству документов в соответствии с его функцией. Документ как объективная данность изучаемого времени становился для него основой реконструктивной практики при создании истории учреждения и выявления его компетенций.

Можно предполагать, что Веретенников и в данном случае опирался на методологический

опыт Лаппо-Данилевского, реализованный последним в своей магистерской диссертации (1890). Особенно характерна для краткого сравнения подходов ученика и учителя II глава диссертации Лаппо-Данилевского, в которой он одним из первых подверг изучению материалы писцового делопроизводства. Исследуя историю и механизмы «раскладки податей», он одновременно реконструировал и документальный комплекс, раскрывая основные элементы как самой процедуры «народной переписи», так и возникавшие в практике переписных кампаний разновидности писцовых материалов. При этом он использует и оценивает их содержание с учетом искажений попадавшей в документы информации, порождаемых лицами и социальными структурами, причастными к их возникновению [14]. В реконструктивной практике создания Веретенниковым истории Тайной канцелярии тема роли личностей, связанных с формированием и эволюцией данного органа власти, также занимает важное место. А исследуемые коллекции архивных документов воспринимались им как составные элементы изучаемых явлений.

Существенное внимание автором диссертации уделялось сферам полномочий конкретных должностных лиц Тайной канцелярии на различных этапах ее истории. Важность исследования этих аспектов историк связывал не только со своими целевыми установками, направленными на осмысление собственно истории функционирования изучаемого учреждения, но и с тем, что эти «лица» сами и создавали основные документальные комплексы. Так или иначе молодой историк при помощи скрупулезного рассмотрения текстов источников архивной принадлежности входил в область понимания мотиваций официальных лиц относительно изготовления того или иного документа и, одновременно, определял характер и границы властных функций чиновников формирующегося государственного ведомства. Кроме того, впервые в историографии Веретенников выявил иерархию чинов этого учреждения, представив галерею персональных портретов его «министров» [5]. Достоинством стремление историка на основе деловой переписки чинов данного ведомства определить эволюцию статусного положения Тайной канцелярии и значение ее чиновников. Подчеркивая особую роль и стиль деятельности П. А. Толстого в качестве «первоприсутствующего» министра в Тайной канцелярии [5], историк на основе изучения пространства его должностных полномочий не раз пытался уловить начальный момент перехода данного ве-

домства из стадии «личного поручения» в ранг собственно «государственного учреждения» [5]. Оно, по его наблюдениям, «постепенно переставало действовать по поручению [Петра I. – Н. А.], а указным путем [с 1722 г. – Н. А.] приобрело определенную компетенцию» [5. С. 177].

Вышеозначенный аспект еще раз подчеркивается в тексте Заключения диссертации. Здесь автор резюмирует, что изначально созданная розыскная канцелярия Толстого как «чисто случайное, временное установление», связанное с делом Алексея Петровича, претерпевает помимо воли ее создателей эволюцию, приведшую к появлению первого учреждения, предназначенного для рассмотрения исключительно «дел государственных» [5].

Более того, Тайную канцелярию с учетом постепенной эволюции ее полномочий Веретенников рассматривал как некий прообраз будущего управленческого элемента общей системы государственных учреждений в России XVIII в. Он считал ее «одной из сторон русского государственного строя того времени» [5. С. 270].

А. С. Лаппо-Данилевский, выступая в роли оппонента и делая наброски своих впечатлений от диссертации В. И. Веретенникова, оставил следующие лаконичные определения ее характера, складывавшиеся у него от первого знакомства с содержанием работы: «научный темперамент»; «интерес к делу: заражает»; «любовь к документу»; «документальность»; «осторожное обращение с документом, умение подойти к нему»; «индуктивный характер выводов»; «почти полное отсутствие литературы»¹.

Не трудно заметить, что оппонент отмечает наиболее характерные черты научного подхода и методологического устремления автора диссертации, нацеленного на доскональное исследование и обоснование источниковой основы своего труда. Хотя Лаппо-Данилевский замечал факт наличия в тексте диссертации избытка («в ущерб изложению») «обширных выписок из архивных бумаг», но подчеркивал и явные достоинства этого подхода. Их он связывал со стремлением соискателя к строгости научного использования документальных коллекций, не допускающей каких-либо отклонений в сторону произвольных толкований их содержания и использования в их характеристиках определений из современного лексикона. Тщательное изучение архивных документов, подчеркивал он, сопровождалось исследовательской «осторожностью», выраженной в точности передачи содержания и апелляции к

«терминологии самих подлинников»². Мимо внимания оппонента не прошел факт тщательного обоснования Веретенниковым обеспеченности источниками изучаемой темы. Отмечая документальный стиль изложения истории Тайной канцелярии и ответственное отношение диссертанта к созданию репрезентативной источниковой информации, он обратил внимание на подход автора: «В одной из глав своего труда <...> автор пытается восстановить историю архивного фонда Тайной канцелярии, лишь убедившись в том, что дела ее более чем на $\frac{3}{4}$ всего их количества сохранились до нашего времени». Особо было отмечено наличие Приложения с текстами документов, систематизированными автором по критерию их тематики/содержания³. Этот момент был важен для Лаппо-Данилевского, поскольку в его собственных проектах, связанных с публикациями текстов документов, большое значение придавалось выработке археографических критериев и принципов их издания.

Не все из предварительных заметок Лаппо-Данилевского найдут свое развитие в окончательном оппонентском отзыве, но прежде всего он подчеркнул в нем, что Веретенников явился, по сути, первопроходцем в выявлении и изучении массива архивного материала по изучаемому вопросу: «До последнего времени история Тайной канцелярии <...> была очень мало выяснена, да и трудно было выяснить ее: архив канцелярии долго оставался неразобранным и был малодоступен исследователям. Г. Веретенников едва ли не впервые подверг этот материал, теперь уже приведенный в некоторый порядок, систематическому рассмотрению» и «детальнейшему изучению»⁴.

К несомненным достоинствам диссертации Лаппо-Данилевский относил концептуальные аспекты диссертации, связанные с определением полномочий и компетенций Тайной канцелярии как учреждения, ее места в «полицейском государстве» Петра I, особенностями «ее генезиса в связи с другими аналогичными учреждениями».

Поддерживая Веретенникова в презентации его научного проекта, Лаппо-Данилевский вы-

² Там же. Л. 4-5. Акцент оппонента на использование терминологии документов (как позитивный момент диссертации) не случаен, если учесть, что в семинаре по дипломатике придавалось большое значение изучению того, каким образом сами создатели документов словесно обозначали их формы и функции.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 3. Сделанный Лаппо-Данилевским акцент перекликается с мнением А. Е. Преснякова, подчеркнувшим, что свой труд Веретенников создавал «почти без предшественников» [17. С. 279].

¹ СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 386. Лл. 10-11, 14.

сказал несколько «возражений». Во-первых, на его взгляд, автор не осуществил глубокого анализа законодательных актов, определявших правовой статус Тайной канцелярии. Во-вторых, его не устроил характер изучения «истории ее деятельности в зависимости от реального содержания дел, которые она вела». Увлечшись характеристикой документальных материалов, считал Лаппо-Данилевский, диссертант «не столько определяет предметы ведомства канцелярии, сколько намечает “группы” дел, поступившие на ее рассмотрение»¹.

Хотя в оппонентском отзыве Лаппо-Данилевского заметно преобладание позитивных характеристик, что отражает открытую линию поддержки диссертации, в кратких набросках к отзыву можно найти любопытные суждения Лаппо-Данилевского критического плана, оставшиеся вероятно скрытыми от глаз соискателя и современников. Обратимся к ним. Совокупность такого рода ремарок оппонента сосредоточена на выявлении и определении исторической специфики петровской эпохи, характера, сущности и значения исследуемого диссертантом учреждения. Следует отметить, что Веретенников при создании своей «Истории» стремился занять некую позицию беспристрастного историка, ориентированного преимущественно на констатацию содержания деятельности Тайной канцелярии. Он, хотя и замечал особенности ее политического и правового статуса, а также специфику выполнения российскими чиновниками своих обязанностей, не погружался в сферу глубокой интерпретации политико-правового смысла этого учреждения с позиций соответствия его государственно-политического облика задачам европеизации России.

Знакомство с содержанием работы ученика не могло не вызвать у Лаппо-Данилевского повышенного интереса к особенностям «политических идей» в истории государственного учреждения XVIII в., к которым прикоснулся Веретенников, создавая представление о феномене Тайной канцелярии. Можно предположить, что часть ремарок по поводу его работы фиксировалась Лаппо-Данилевским для самого себя. Например, отмечая (но не занося это в отзыв), что автор диссертации «смешивает факторы, вызвавшие Т[айную]К[анцелярию], с ее значением» и не использует «свой материал (бытовой)² для выяснения значения Т[айной]К[анцелярии]», Лаппо-Да-

¹ Там же. Л. 6-7.

² Под определением «бытовой» Лаппо-Данилевский, возможно, понимал документальные свидетельства, раскрывающие факты повседневной деятельности Тайной канцелярии.

нилевский, очевидно, имея в виду характер этого учреждения, заносит фразу: «безнравственность и бесправие»³.

Тема реального исторического смысла и значения Тайной канцелярии лейтмотивом проходит через ремарки Лаппо-Данилевского и сопровождается характеристиками, фиксирующими несоблюдение правовых основ в практике ее государственной деятельности. Например, особое внимание он обратил на подчеркнутые Веретенниковым факты игнорирования Тайной канцелярией законодательных норм Соборного Уложения и Воинских Артикулов, признаваемых с 1720 г. правовой основой ее деятельности. Автор диссертации, замечая это, резюмировал: «<...> в итоге никаких прочных, постоянных правовых норм не лежало в основе деятельности Тайной канцелярии». Констатируя «рационализирующий произвол министров», он резюмировал, что «на таком шатком правовом базисе действовала Тайная канцелярия» [5. С. 184, 187]. Параллельно этим наблюдениям Веретенников выявляет характерную тенденцию в истории этого учреждения, легшую, по его мнению, в основу всех других органов власти, ведавших в XVIII в. государственными преступлениями. Смысл этой тенденции, по Веретенникову, состоял в том, что такого рода учреждения были поставлены «выше и вне всего общего строя государственных учреждений» [5. С. 232]. Несомненно, созданные Веретенниковым характеристики Тайной канцелярии и выявленные им тенденции укрепления специфического (внеправового, по сути) статуса за подобными учреждениями следует отнести к достоинствам его труда. Совокупность подобных авторских характеристик сопровождается у Лаппо-Данилевского серией лаконичных помет: «отсутствие общих норм у Т[айной]К[анцелярии]»; «личный произвол в управлении и суде»; «личный произвол судей в процессе». Знакомство с сюжетами диссертации о характере «тайного розыска» и ведения «секретных дел» вызвало появление его ремарки: «Подрыв нравственного авторитета правительственной власти»⁴.

В одной из завершающих характеристик Тайной канцелярии Веретенников констатировал, что она «оказалась органической потребностью строя России XVIII в.» [5. С. 268]. Лаппо-Данилевского не совсем устроило это, по его мнению, не точно выраженное резюмирующее суждение автора. Данный вывод Веретенникова он сопроводил комментарием, раскрывающим понимание

³ СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 386. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 97.

самим Лаппо-Данилевским историко-культурного значения и нравственно-политического смысла изучаемого учреждения. Он согласился, что Тайная канцелярия являлась «продуктом» «условий государственной жизни России начала XVIII в.», но в духе либеральных идей высказал итоговое суждение: «Значение Т[айной] К[анцелярии] было не столько положительное, сколько отрицательное: она не столько обеспечивала некоторый государственный порядок, сколько сильно оттеняла и резко подчеркивала ту сторону правительственной деятельности того времени, которая не удовлетворяла требованиям нравственного сознания и противоречила началам правового государства [подчеркнуто А. С. Лаппо-Данилевским. – А. Н.]»¹.

Таким образом, история создания и подготовка к защите диссертации Веретенникова-ученика связаны с сильной коммуникативной позицией Лаппо-Данилевского-учителя. Стремление следовать научным принципам глубокоуважаемого учителя, конечно, не могло со стороны Веретенникова реализоваться в абсолютном смысле. Автономность и самобытность его собственной научной индивидуальности ощущается в научном нарративе «Истории тайной канцелярии». Тем не менее его попытки вслед за Лаппо-Данилевским погрузиться в область методологии исторического познания достойны внимания как пример выражения осознаваемой им преемственности знания, полученного от учителя.

Методологические искания В. И. Веретенникова

По характеру своих научных интересов и научного темперамента В. И. Веретенников, насколько об этом можно судить по его научной деятельности, являлся ученым прагматического склада, уделяющим существенное, а в зрелый период жизни, который был связан с архивно-научной практикой, – преимущественное внимание к документу, источнику, факту. Можно заметить, что А. С. Лаппо-Данилевский в своих отзывах о его диссертациях укорял ученика в «довольно слабой теоретической разработке» изучаемых проблем. В частности, в случае с докторской диссертацией Веретенникова [8] он полагал, что этот недостаток ограничил понимание им своих задач: он уклонился «от выяснения того положения, какое институт генерал-прокурора занял в общей системе самодержавного правления и преобразованных центральных учреждений Российской империи...»².

¹ Там же. Л. 99.

² СПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 387. Л. 19.

Недостаток опыта обобщений и теоретических рассуждений в научном нарративе Веретенникова не стал тем не менее препятствием для формирования его собственного интереса к методологическим аспектам исторического знания. Первым заметным его выступлением с заявкой на методологическую проблематику стала его статья 1912 г. [7], обращенная к опыту использования статистического метода в исследованиях ученых-историков. Автор статьи продемонстрировал широту научных взглядов и представил новый ракурс своих интересов, акцентировавших его тяготение к проблемам методологии истории³. Очевидно, он отреагировал на факты усилившегося к началу XX в. обращения историков к статистике и одновременно высказываемые современниками опасения распространять заблуждения под влиянием «миража цифр». Поводом послужила и появившаяся критика в адрес ряда работ, в том числе диссертаций, в которых проявлялась неопытность историков при обработке статистических данных. В центре внимания Веретенникова оказались магистерские диссертации Н. А. Рожкова и Ю. В. Готье. Оба автора в основание своих исследований положили материалы писцового делопроизводства и снабдили работы статистическими таблицами, содержащими результаты их наблюдений и способов обработки «цифрового исторического материала». При этом автор статьи оговаривал тот факт, что эти «известные работы» интересовали его не как объект какой-либо научной критики, поскольку они уже были оценены специалистами, а как «частные примеры», необходимые «исключительно для большего освещения моих теоретических рассуждений» [7. С. 121].

Приступая к своим рассуждениям, Веретенников, будучи озабоченным наметившейся тенденцией «переоценки роли статистического метода в исторических исследованиях», выдвигает свою версию возможных способов использования историками статистической информации, в том числе в виде «числовых таблиц».

Рассматривая высказанные в литературе того времени мнения о значении статистического ме-

³ Заметим, что с 1920 г. Веретенников, вернувшись по предложению Д. И. Багалея в Харьков после непродолжительной работы в Саратовском университете (1917-1920 гг.), получает, наконец, должность профессора русской истории – сначала на кафедре русской культуры в Академии теоретических знаний, а потом в Харьковском институте народного образования. Примечательно, что став в Харькове признанным знатоком архивного дела, и разрабатывая систему классификации источников, он, одновременно, вел в вузах целый ряд учебных курсов, в том числе по методологии истории. [16].

тогда применительно к истории: Н. Н. Любовича (1901 г.) и Н. Нордмана (1909 г.) – он определяет два основных способа работы со статистическими материалами. Первый он обозначил как «иллюстрационный», ориентированный исключительно на регистрацию частных фактов при помощи удобной табличной формы для их изложения в качестве примеров. В этом случае, считал Веретенников, опровергая мнение Любовича, историк оперирует «обычными для истории методологическими приемами» и не выходит за пределы «исторического метода». Реализацию такого подхода он видит в диссертации Готье [7]. Действительно, московский историк широко использовал подобный «иллюстрационный» подход, доказывая в форме таблиц факты экономического кризиса периода смуты, порожденного последствиями событий XVI в. [10].

Другой подход, обозначенный Веретенниковым как «историко-статистический», мог быть, по его мнению, реализован лишь при определенных условиях. Из общего контекста его рассуждений о сущности статистического метода вырисовывается его обеспокоенность, с одной стороны, отсутствием соответствующей подготовки специалистов-историков в области владения статистическим методом, с другой стороны – автор статьи предупреждает об «опасностях» самого статистического метода при попытках его приложения к историческому материалу. Он был озабочен тем, что статистический метод может быть результативным при условии изучения однородных явлений, дающих возможность установить их закономерности, чего сложно достичь при работе с историческим материалом, и необходимости соблюдения при статистических разработках закона больших чисел. С учетом существенного присутствия в истории случайного, считал он, неизбежно использование «среднего метода», обоснованность которого проблематична. Автор статьи приходит к выводу о «шаткости» и практической не разработанности методик использования статистического метода применительно к социальным наукам (исключение он делал только для демографии). В частности, примером неудачного использования статистического метода он рассматривал опыт Н. А. Рожкова, запечатленный в его диссертации [18].

В частности, в попытках выяснить соотношение стоимости рубля XVI в. применительно к рублю современного ему времени, автор диссертации пытался определить значение выводимой им некоей средней величины – «среднего знаменателя отношения» – для различных местностей Рос-

сии. Веретенников, отрицательно относившийся к статистике усредненных показателей, отнес все подобные статистические манипуляции Рожкова к отсутствию у автора «методологической предосторожности» и, как следствие, – оперированию им «случайными», «спорадическими», не обоснованными показателями. В связи с этим он выказал скептическое отношение и к выводам Рожкова о «средней цене» продуктов изучаемого времени, поскольку автор не представил «достаточно количества конкретных данных (условие, необходимое при выводе среднего)» (курсив Веретенникова. – Н. А.) для получения таких статистических выводов, которые не утрачивали бы «точный численный смысл» [7. С. 130–131].

Веретенников подверг критике и одну из таблиц в диссертации Готье, в которой тот стремился установить коэффициент увеличения дворов и населения в них за разные периоды переписей, осуществлявшихся писцами в диапазоне 1620–1678 гг. Широкое обобщение, которое сделал Готье, устанавливая рост дворов и населения, являвшееся в его работе важным аргументом для доказательства выхода Замосковского края из экономического кризиса времен смуты [9], оказывалось не подкрепленным автором по ряду критериев. По мнению Веретенникова, Готье привел статистику не по всем уездам изучаемой им территории, а к тому же использовал несопоставимые по разным уездам данные. Поэтому система доказательств принципиальной важности, считал автор статьи, оказалась недостаточной и не соответствовала масштабам выводов Готье [7].

Так или иначе, Веретенников, не отрицая значения статистического метода как такового, продемонстрировал, с одной стороны, глубокое погружение в проблему, а с другой – скептическое отношение к готовности тогдашней исторической науки и ее представителей осознанно его использовать. Он убеждал историков, что применение сравнительно нового в то время метода должно быть корректным, то есть соответствовать, по его словам, «сорту того исторического материала, оперировать с которым историку в данном конкретном случае приходится» [7. С. 136].

В широком методологическом смысле Веретенников своей статьей призывал ученых-историков в каждом случае осуществления анализа и синтеза источникового материала научиться вырабатывать обоснованную научную рефлексию в области выбора того или иного метода, релевантного характеру информационного ресурса источников.

Следующее заметное методологическое по характеру выступление было сделано Веретеннико-

вым в год защиты им докторской диссертации – в 1916 г., когда он принял участие в подготовке сборника статей, посвященного А. С. Лаппо-Данилевскому.

Вполне очевидно, что статья Веретенникова [6] воспроизводила основные положения методологических идей Лаппо-Данилевского, развиваемых им в ходе занятий по дипломатике частных актов. Интересующая нас работа, будучи написанной одним из активистов семинара, любопытна как научное произведение, с одной стороны, запечатлевшее своим содержанием некое изначально полученное им оригинальное знание теории частного акта, с другой стороны, осмысленное через собственный опыт научной деятельности. Как ученый с характерным стремлением к скрупулезному воспроизведению любого изучаемого феномена (а в данном случае – методологии частноправовых актов), Веретенников раскрыл основные принципы и методику анализа их клаузульного состава. Представляет интерес самостоятельная формулировка Веретенниковым детализированного и несколько пространного определения древнерусского частноправового акта. Он понимался им как «словесно выраженное и письменно запечатленное, обычно сложное *действие*, определяющее собой существо совершенной сделки, притом сопряженное с также словесно выраженными и письменно запечатленными действиями побочными, привходящими, но в той или иной мере неразрывно слитыми с совершаемой актом сделкой [курсив В. И. Веретенникова. – Н. А.]» [6. С. 9]¹.

Определяя смысл клаузулы как «элементарной части» акта, Веретенников высказал мысль, что она «должна фактически пребывать в исторической действительности, то есть в сознании составителей древнерусских изучаемых актов». Взгляд на актовый документ как «результат»

¹ Можно заметить, что это определение Веретенникова воспринимается в специальной литературе в качестве выражения идей «школы Лаппо-Данилевского» [12. С. 94–96], оно вошло в соответствующий текст одного из учебных пособий по источниковедению [11. С. 66].

сложившихся понятий «в головах самих составителей актов» [6. С. 10, 13.] рефреном проходит через рассуждения автора статьи. Несомненно, в этом просматриваются уроки Лаппо-Данилевского, подчеркивавшего, что дипломатика как учение о документах и актах «ставит себе двойную задачу: она изучает их как источник и как явление». При этом, считал он, со временем эта дисциплина стала воспринимать акты как явления «народного правосознания, в их зависимости от данных условий места и времени, состояния и периода культуры...» [15. С. 70].

Более глубокие корни усвоения Веретенниковым теоретических и методологических принципов Лаппо-Данилевского можно связывать с содержанием его учебной книги для студентов «Методология истории». То, что Лаппо-Данилевский обсуждал с учениками в семинаре по частному акту, покоилось на его фундаментальных идеях, выраженных в этом труде. Для понимания значения дефиниции Веретенникова актового источника следует вспомнить смысл знаменитого определения исторического источника Лаппо-Данилевского как «реализованного продукта человеческой психики». Оно было связано с активно обсуждаемым в среде философов и методологов того времени «принципом чужой одушевленности». Можно полагать, что два определения источников: Лаппо-Данилевского и Веретенникова – находятся в тесной взаимосвязи.

Веретенников прочно усвоил мысль, что текст актового документа, создаваемого в момент заключения сделки или договора (как, впрочем, и любого другого источника), формировался на основе особенностей мышления, сознания и восприятия исторических реалий людьми определенной исторической эпохи. Он понимал, что источник вбирает в себя не только информацию о случившемся, но воплощает своим содержанием когнитивную сторону социокультурного бытия индивидуума – специфику сознания и социальной психологии человека, причастного к созданию исторического документа.

Список литературы

1. Алеврас, Н. Н. А. С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX – начале XX в. / Н. Н. Алеврас // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 46.
2. Алеврас, Н. Н. Уроки учителя: идеи А. С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников / Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришина // КЛИО. Журнал для ученых. – 2013. – № 12 (84).
3. Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. – М., 1999. – 720 с.
4. Брачев, В. С. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834-2004 / В. С. Брачев, А. Ю. Дворниченко. – СПб., 2004. – 384 с.

5. Веретенников, В.И. История Тайной канцелярии петровского времени / В. И. Веретенников. – Харьков, 1910.
6. Веретенников, В. И. К вопросу о методах изучения древнерусских частнопроводных актов / В. И. Веретенников // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. – Петроград, 1916.
7. Веретенников, В. И. К вопросу о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала / В. И. Веретенников // ЖМНП. Новая серия. Ч. XXXVII. 1912. Январь. – СПб., 1912.
8. Веретенников, В. И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до екатерининского времени / В. И. Веретенников. – Харьков, 1915.
9. Веретенников Василь Іванович // Історики Харківського університету: бібліографічний довідник (1905–2012 гг.). – Харків, 2012.
10. Готье, Ю. В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. В. Готье. – М., 1906.
11. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. В. Сиренова. – М., 2015. – 396 с.
12. Каштанов, С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. – М., 1988. – 231 с.
13. Комочев, Н. А. Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского / Н. А. Комочев // КЛИО. Журнал для ученых. – 2013. – № 12 (84).
14. Лаппо-Данилевский, А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1890.
15. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк русской дипломатики частных актов / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 2007.
16. Мандрик, М. В. Учитель и ученик: из писем В.И. Веретенникова к А.С. Лаппо-Данилевскому / М. В. Мандрик // Исследования по русской истории и культуре: сб. ст. к 70-летию проф. И. Я. Фроянова. – М., 2006. – 574 с.
17. Матяш, І. Б. Василь Веретенников – видатний архівознавець / І. Б. Матяш // Матяш, І. Б. Особа в українській архівістиці: Біографічні нариси. – К., 2001.
18. Пресняков, А. Е. Рецензия [на магистерскую диссертацию В. И. Веретенникова] / А. Е. Пресняков // Журнал министерства юстиции. – 1910. – № 2. Февраль.
19. Рожков, Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. / Н. А. Рожков // Ученые записки Московского университета. Отдел историко-филологический. – М., 1899. – Вып. 26.
20. Ростовцев, Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский – основатель русской школы дипломатики частного акта / Е. А. Ростовцев // Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. – СПб., 2007.
21. Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. – Петроград, 1916.
22. Сорокина, М. Ю. Академик А. С. Лаппо-Данилевский и его “История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики” / М. Ю. Сорокина // Вестн. Рос. гуманитар. научн. фонда (РГНФ). – 2003. – № 3. – С. 106–117. – URL: <http://arran.ru/?q=ru/lappo1>.

Сведения об авторе

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vhist@mail.ru

**VASILY IVANOVICH VERETENNIKOV: THE HISTORIAN
OF ST. PETERSBURG SCHOOL AS AN ACTOR
OF SCIENCE AND DISSERTATION CULTURE**

The research is supported by the Russian Humanitarian Scientific Fund Grant.

Project № 16-03-00264

N. N. Alevras

Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia. vhist@mail.ru

It is the first time in historiographical practice when the scientific work of a half-remembered scientist, historian and archivist V.I. Veretennikov is analyzed, his ideas, observations and research conclusions are interpreted. V.I. Veretennikov (21.08 (02.09) 1880 – 18.07.1942) belonged to the school of A.S. Lappo-Danilevsky. The author focuses on several works by the historian - his Master's thesis *The History of the Secret Chancellery in the time of Peter the Great* (Kharkov, 1910) as well as articles on the methodology of historical research. The author notes an increasing interest in this figure, especially noticeable in the Ukrainian historiography, which is due to the fact that V.I. Veretennikov lived in Kharkov and worked at universities and archival institutions there for a long time. However, it should be stated that works on V. I. Veretennikov do not contain enough analytical interpretation of his historical research texts. The paper attempts to bridge this gap. On the one hand, it aims at revealing his individual creative features, on the other hand, at establishing a methodological link between his scientific principles and the ideas and approaches of his teacher A. S. Lappo-Danilevsky. The author gives a summary of his biography, and focuses on the study of his master's thesis text. By comparing his basic scientific ideas and methodological orientations to the scientific principles of A. S. Lappo-Danilevsky and by using his opponent's review of the thesis, the article has found out a long methodological communication between the teacher and his follower. The last part of the article analyses two methodologically oriented works by the historian and confirms the previous observations.

Keywords: *Russian historiography, St. Petersburg State University, V.I. Veretennikov, A. S. Lappo-Danilevsky, Master's thesis, historiographical analysis, the source, the assembly document, the statistical method.*

References

1. Alevras N.N. A.S. Lappo-Danilevskij i dissertacionnaya kul'tura russkikh istorikov v konce XIX – nachale XX v. [A.S. Lappo-Danilevsky and thesis Culture Russian historians in the late XIX – early XX century]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], iss. 46. 2014. (In Russ.).
2. Alevras N.N., Grishina N.V. Uroki uchitelya: idei A.S. Lappo-Danilevskogo v tvorcheskikh sud'bah uchenikov [Lessons Teacher: Ideas AS Lappo-Danilevsky in the creative fate of students], *KLIO. Zhurnal dlya uchenykh* [Clio. Magazine for scientists], 2013, no. 12 (84). (In Russ.).
3. Anisimov E. *Dyba i knut. Politicheskij sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Rack and the whip. Political spying and Russian society in the XVIII century]. Moscow, 1999. 720 p. (In Russ.).
4. Brachev V.S., Dvornichenko A.Yu. *Kafedra russkoj istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1834–2004* [Department of Russian History of St. Petersburg University. 1834–2004]. Saint Petersburg, 2004. 384 p. (In Russ.).
5. Veretennikov V.I. *Istoriya Tajnoj kancelyarii petrovskogo vremeni* [History of the Secret Chancellery of Peter's time]. Harkov, 1910. (In Russ.).
6. Veretennikov V.I. K voprosu o metodah izucheniya drevnerusskikh chastnopravovykh aktov [On the question of the study of ancient methods of private acts]. *Sbornik statej, posvyashchennyh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu* [Collection of articles dedicated to Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky]. Petrograd, 1916. (In Russ.).
7. Veretennikov V.I. K voprosu o metodologicheskikh priemah pri razrabotke cifrovogo istoricheskogo materiala [On the question of methodological techniques in the development of digital historical material], *ZHMNP. Novaya seriya* [New episode]. SPb., 1912, Ch. XXXVII. (In Russ.).

8. Veretennikov V.I. *Ocherki istorii general-prokuratury v Rossii do ekaterininskogo vremeni* [Essays on the history of General Prosecutor's Office in Russia before Catherine's time]. Har'kov, 1915. (In Russ.).
9. Veretennikov Vasil' Ivanovich [Vasily Ivanovich Veretennikov]. *Istoriki Harkivskogo universitetu: bibliografichnij dovidnik (1905–2012 gg.)* [Historians Harsco University: bibliography reference (1905–2012.)]. Harkiv, 2012. (In Ukrain.).
10. Got'e Yu.V. *Zamoskovnyj kraj v XVII veke. Opyt issledovaniya po istorii ehkonomicheskogo byta Moskovskoj Rusi* [Zamoskovny region in the XVII century. Previous studies on the history of the economic life of Moscow Russia]. Moscow, 1906. (In Russ.).
11. Sirenova A.V. (ed.). *Istochnikovovedenie: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Science dealing with historical source: textbook for academic bachelors]. Moscow, 2015. 396 p. (In Russ.).
12. Kashtanov S.M. *Russkaya diplomatika* [Russian diplomatics]. Moscow, 1988. 231 p. (In Russ.).
13. Komochev N.A. Metodika diplomaticheskogo analiza v trudah shkoly A.S. Lappo-Danilevskogo [Methods of analysis of the diplomatic school works AS Lappo-Danilevsky]. *KLIO. Zhurnal dlya uchenyh* [Clio. Magazine for scientists], 2013, no. 12 (84). (In Russ.).
14. Lappo-Danilevskij A.S. *Organizaciya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty do ehpoi preobrazovanij* [Organization of direct taxation in the Moscow state since the days of the Troubles before the era of transformation]. Saint Petersburg, 1890. (In Russ.).
15. Lappo-Danilevskij A.S. *Ocherk russkoj diplomatiki chastnyh aktov* [Essay Russian diplomatics private acts]. Saint Petersburg, 2007. 285 p. (In Russ.).
16. Mandrik M.V. Uchitel' i uchenik: iz pisem V.I. Veretennikova k A.S. Lappo-Danilevskomu [Teacher and student: from the letters of V.I. Veretennikov to A.S. Lappo-Danilevsky], *Issledovaniya po russkoj istorii i kul'ture. Sbornik statej k 70-letiyu professora Igorya Yakovlevicha Froyanova* [Research on Russian history and culture: a collection of articles on the 70th anniversary of prof. I.Ya. Froyanova]. Moscow, 2006. 574 p. (In Russ.).
17. Matyash I.B. Vasil' Veretennikov – vidatnij arhivoznavec [Basil Veretennikov – outstanding archosaur]. Matyash I.B. [The face in the Ukrainian arhivistic: Biographical sketches]. Kiev, 2001 (In Ukrain.).
18. Presnyakov A.E. Retsenziya [na magisterskuyu dissertatsiyu V.I. Veretennikova]. *Zhurnal ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 1910, no. 2. (In Russ.).
19. Rozhkov N.A. Sel'skoe hozyajstvo Moskovskoj Rusi v XVI v. [Agriculture Muscovite Russia in the XVI century]. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologicheskij* [Scientific notes of the Moscow University. Department of History and Philology], iss. 26. Moscow, 1899. (In Russ.).
20. Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij – osnovatel' russkoj shkoly diplomatiki chastnogo akta [A.S. Lappo-Danilevsky – the founder of the Russian school Diplomatique private act]. Lappo-Danilevskij A.S. *Ocherk russkoj diplomatiki chastnyh aktov* [Outline of Russian diplomatics private acts]. Saint Petersburg, 2007. 285 p. (In Russ.).
21. *Sbornik statej, posvyashchennyh Aleksandru Sergeevichu Lappo-Danilevskomu* [Collection of articles dedicated to Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky]. Petrograd, 1916. (In Russ.).
22. Sorokina M.Yu. Akademik A.S. Lappo-Danilevskij i ego "Istoriya politicheskikh idej v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim hodom razvitiya ee kul'tury i politiki" [Academician AS Lappo-Danilevsky and his "History of political ideas in Russia in the XVIII century in connection with the general course of development of its culture and politics"]. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda (RGNF)* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], 2003, no. 3. Available at: <http://arran.ru/?q=ru/lappo1>. (In Russ.).